

Виктор Пронин

А вы не ждали нас...

*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*

Виктор Пронин

А вы не ждали нас...

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

А вы не ждали нас... / В. А. Пронин — «Эксмо»,

«Андрян опять проиграл и покорно склонил над столом лысую голову. По его веснушчатым ушам били без наслаждения, но с силой, тщательно примериваясь, не забывая поплевать на карты. Андрян уже не вздрагивал, только видно было, как перед каждым ударом напрягалась его спина...»

Виктор Пронин

А вы не ждали нас...

Андриян опять проиграл и покорно склонил над столом лысую голову. По его веснушчатым ушам били без наслаждения, но с силой, тщательно примериваясь, не забывая поплевать на карты. Андриян уже не вздрагивал, только видно было, как перед каждым ударом напрягалась его спина.

Когда очередь дошла до Мишки, он взял карты, такие же распухшие, как и уши у Андрияна, несколько раз взмахнул ими в воздухе, словно взвешивал, и бросил на стол. Бить не хотелось.

– Ладно, – сказал он. – Живи. Черт с тобой.

Андриян дернул носом, благодарно взглянул на Мишку и потянулся к колоде. Хотя ему шел пятый десяток, играть он так и не научился, зато сдавал с блеском – быстро и без ошибок.

– На меня не надо, – Мишка поднялся и, пригнув голову, протиснулся в низкий полутемный коридор.

Громыхая сапогами по перекошенным доскам пола, он прошел мимо дежурной, потоптался у выхода и... шагнул наружу. И мгновенно ветер выдул из него все тепло, залепил глаза, волосы до самых корней набил снегом, с силой толкнул в грудь, в спину, стараясь оторвать от спасительной двери. Потерпи Мишка на крыльце еще минуту-вторую – его карманы раздулись бы от снега, и тогда попробуй найти в плотных, подтаявших снежках мелочь, ключи, зажигалку. Между порывами ветра слышно было, как на противоположной стороне улицы беспрерывно уже третьи сутки трещал охрипший звонок – в магазине выбило стекла и замкнуло сигнализацию. Мишка усмехнулся, представив, как после тайфуна продавщицы будут выковыривать из снега весы, бутылки, консервные банки...

У этого тайфуна было женское имя – его звали «Исабель». За этим словом ребятам виделось что-то далекое и волнующее, почти несбыточное и такое нежное, какое можно увидеть только во сне, да и то... В общем, не будем.

Тайфун шел откуда-то с Филиппин, и о его приближении говорили в каждом выпуске последних известий. И наконец сообщили: «Исабель» достиг побережья. За какой-то час тайфун накрыл остров плотными, тяжелыми тучами. Вечер наступил раньше обычного, это было заметно сразу. Сумерки сгустились к трем часам, а низкое небо, казалось, совсем легло на крыши домов. Было что-то гнетущее в надсадном вое ветра, в снегопаде, в размытых контурах согнутых человеческих фигур. Даже когда совсем стемнело, в слабом свете уцелевших уличных фонарей было видно, как валит снег. Сугробы набухали прямо на глазах, затопляли единственную улицу поселка, подбирались к подоконникам, к крышам. То, что мягкой тяжестью валилось сверху, вряд ли можно было назвать снегом – словом, за которым с детства видится что-то праздничное. Шел совсем не тот снег, который так украшает новогодние улицы, ресницы и так невесомо ложится на провода, заборы, ветви деревьев.

Это была стихия.

По поселку разъезжал единственный тягач, которым пытались если не расчистить, то хотя бы наметить место, где раньше была дорога. После каждого тайфуна дорога превращалась в узкую глубокую траншею, очередной снегопад заносил ее быстро и вроде бы даже с каким-то наслаждением. За зиму дорога поднималась на несколько метров, и никого не удивляло, когда к весне машины ходили на уровне второго этажа.

Чтобы хоть как-то можно было смотреть перед собой, лица приходилось закрывать прозрачными пленками, фанерными дощечками, картонками с прорезями для глаз.

Встречались прохожие и в карнавальных масках, пугающие встречных звериным обликом или застывшей, неживой ухмылкой.

Спешили в порты катера, пароходы, рыболовные суда. Не жалея моторов, таранили сугробы шоферы, торопясь добраться хотя бы до придорожной, заброшенной избы.

К тайфунам можно относиться по-разному. Одни их проклинают, как помеху в делах, другие переносят молча, угрюмо, словно обиды, на которые нельзя ответить, а многие откровенно радуются тайфунам, как неожиданным праздникам. Но как бы там ни было, тайфун не забывается, как воспоминание о чем-то значительном, не до конца понятом, и навсегда остается желание пережить его снова. А когда все утихнет и солнце затопит остров, вспоминаешь не вой ветра, не тяжесть снега, а волнение, необъяснимые, странные желания, которые появились вдруг и с которыми не было сил совладать...

Мишка вернулся в свою комнату и, не зажигая света, не раздеваясь, грохнулся на кровать, забросив ноги в сапогах на спинку. За окном плотной белесой массой раскачивался и гудел снег. Кто его знает, крупный он был или мелкий, валил сверху или откуда-то сбоку. Снег носился между сопками, между домами, как озверевшее существо, до этого тихое и ласковое. Громяхая, летели куски жести, доски, остатки красивой наглядной агитации. Не в силах вырвать деревья из мерзлой земли, ветер выламывал их и таскал по поселку, пока не забрасывал куда-нибудь в сопки.

Окно было занесено почти полностью. Только по узкой полоске сверху можно было догадаться, что еще не стемнело. Через час эта полоска исчезнет, и утром дневной свет можно будет увидеть лишь с чердака. А если и завтра тайфун не кончится, от общежития останутся лишь две тощие трубы.

Говорили, что такой зимы не было уже лет пятьдесят, а может, и все сто. Но это говорили о каждой зиме. Мишка считал, что такой вообще не было и больше не будет. Морозы его не пугали, они в этой части острова не опускались ниже двадцати. Все дело было в буранах. Каждые две-три недели они напрочь заметали дороги и останавливали все движение. Стынули в сопках поезда, так засыпанные снегом, что их потом не сразу находили даже с вертолетов. Бульдозеристы, уткнувшись в сплошные сугробы, выключали моторы – неизвестно, сколько придется ждать помощи. Летчики, предупрежденные метеослужбой, тут же разворачивали самолеты и уходили на материк, на Камчатку, куда угодно. А в аэропортах острова готовились к многосуточному ожиданию неудачливые пассажиры: за полчаса разносили в буфетах все, от леденцов до коньяка, а кому удавалось раздобыть кресло или, на худой конец, табуретку, считал себя устроенным.

Но транспортные неурядицы мало беспокоили Мишку. Самое неприятное было в том, что после каждого бурана приходилось заново раскапывать строительную площадку, искать под снежными заносами панели, доски, металл. Еще с осени, начав строить пятиэтажный дом для леспромхоза, ребята до сих пор не могли выйти из нулевого цикла.

А по радио передавали, что в Москве утро, а на Украине необычайно рано зацвели вишни, начался сев и передовые колхозы уже обработали тысячи гектаров. И еще передавали, что в Крыму и на Кавказе открылся оздоровительный сезон, в Средней Азии отцвел миндаль, а садоводы Грузии...

Мишка скрипел кроватью, щипал рыжую бороду и тосковал. Он встречал на острове третью зиму. Далеко не всегда было ему здесь сладко и весело, но он считал, что так и должно быть. «Блажь», – говорил он, когда задерживали зарплату, когда не за кем было приударить, когда его заметало снегом или вот так, неделями, приходилось валяться в общежитии. Это было нормально, потому – остров. Все три года Мишка прожил здесь в приподнятом настроении. Он чувствовал себя на переднем крае, в особых условиях. Условия были труднее, хуже, но особые. И Мишке это нравилось. Уж если буран – так на полную катушку; если мороз – так чтоб визжало под ногами; если снег – чтоб одни трубы торчали.

Но сегодня, когда на Украине необычайно рано зацвели вишни, а в Москву доставили первые партии цветов из Грузии и начали продавать их на станциях метро, ему стало невоз-

готу. И все неприятности, которые он три года, не глядя, сбрасывал в дальний чулан своей души, вдруг вывалились, будто сломав какую-то перегородку, и Мишке стало жаль себя. Вспомнилось, что где-то на материке у него есть жена, которой он посылал к праздникам открытки, а она поздравляла его телеграммами с днем рождения. Жизнь у них не задалась, и Мишка впервые подумал о том, что во всем виноват, конечно, он. И все, что у него когда-то произошло с той девчушкой в длинном платье цветочками и неумелой завивкой, показалось чуть ли не лучшим из всего, что вообще было в его жизни. Как же она тогда, бедная, привязалась к нему! Он не знал, да и не хотел знать, была ли это любовь, но то, как она бегала за ним, будто собачонка, как слушалась его, вдруг припомнилось настолько четко, с такими подробностями, что Мишка застонал от стыда. И стало совсем паршиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.